
ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

В Америке так не принято

Сегодня, если речь заходит о человеческих взаимоотношениях, о воспитании детей или о мировоззренческой позиции, часто употребляются два ключевых слова. Одно означает положительную, правильную установку: “толерантность”. Другое – недопустимую, отрицательную: “давление”.

Причем слова эти еще совсем недавно не употреблялись в таком, моральном, что ли, контексте. Слово “толерантность” лет 10 назад и вовсе не было известно широкому кругу людей. “Давление”, конечно, слово более употребительное. Хотя и оно раньше использовалось в том значении, о котором мы говорим, не так часто, как теперь. Это во-первых. А во-вторых, сопровождалось или прилагательным “психологическое” (“психическое”), или дополнением “на психику” (“не дави мне на психику”). То есть подчеркивался переносный смысл физического термина.

Потом как-то незаметно уточнения про психику улетучились, и стало принято говорить о давлении на человека вообще: “Ты на него давишь”, “Не дави на меня”. Давление в метафорическом, переносном смысле по словесной конструкции полностью совпало с давлением физическим. Казалось бы, мелочь, но мелочь тоже в своем роде ключевая: когда на кого-то дают буквально, это может грозить объекту давления серьезной порчей вплоть до гибели. Такая ассоциативная тень не на шутку омрачила и без того негативный смысл метафоры.

Одновременно произошло и расширение смысла. Теперь “давлением” может быть сочтена и просьба соседа по лестничной клетке слегка приглушить рок-музыку, громящую на весь дом, и недовольство родителей (чисто словесное, не влекущее за собой никаких санкций!) тем, что их пятнадцатилетняя дочь ночует у любовника. И совет приобрести вещь, которая к лицу, когда женщина, проходя мимо другой женщины, примеряющей шляпку в универмаге, говорит: “Купите, вам так идет!” А та в ответ: “Не надо на меня давить! Я сама решу”.

А вот еще сценка, тоже из жизни. Тетя провожает племянницу, приезжавшую на побывку из Штатов, где она учится в университете. Прощальный поцелуй в аэропорту и ничего не значащая, вежливая фраза: “Приезжай поскорее снова!” И вдруг лицо барышни, которая только что очаровательно улыбалась, каменеет.

– Ты давишь! Я не люблю, когда давят. В Америке так не принято.

И мы незаметно оказываемся в иной реальности, вход в которую открыло для нас ключевое слово “давление”. В реальности, где действуют иные законы. По этим законам тот, кто дает совет или (еще хуже!) вразумляет своего друга – человек дурной, нетолерантный, авторитарный. А тот, кто рассказывает о своих печалях, тоже давит, “грузит”. От такого лучше

держаться подальше. В новой реальности боязно помочь кому-то не только действием, но и словом. В результате ближний все больше отдаляется, и происходит, как теперь говорят, атомизация.

В духе праздности

Помнится, в начале 90-х мы, находясь в Германии, недоумевали, почему наши знакомые немцы в один голос жалуются на одиночество. Особенно удивляло то, что люди, с которыми мы общались, на самом деле были объединены: их объединяла и одна профессия, и членство в одной ассоциации, и просто, как нам казалось, дружба. Во всяком случае, они чуть ли не каждый день встречались то в гостях, то в ресторане, то выезжали вместе на пикники. И не то чтобы на их встречах царило тягостное молчание! Всё время они что-то обсуждали. Но при этом жаловались на одиночество.

И что самое поразительное, жаловались при всей честной компании, нимало не стесняясь своих приятелей, которым ведь могло стать обидно! А приятели не только не обижались, но еще и согласно кивали головой. Дескать, да, да! Такое одиночество, такое страшное одиночество!

Ситуацию прояснила одна наша немецкая коллега, как раз председатель ассоциации. Однажды эта очень элегантная дама с тоской в голосе произнесла: “Вам в России хорошо, у вас можно поделиться с другом своим горем”.

— А у вас разве нельзя? — изумились мы.

Фрау Беата горестно усмехнулась.

— Дело в том, что мы с мужем прожили тридцать лет, и вдруг он меня бросил. Именно вдруг, совершенно неожиданно. Мне было так худо, что я позвонила своей подруге Эмме, мы знакомы с детского сада, после мужа это для меня самый близкий человек... И, нарушая все правила приличия, сказала, что Ульрих ушел к другой. В общем, я страдаю. Это, конечно, было чудовищное, недопустимое давление на Эмму, но в тот момент я не могла с собой совладать... На несколько секунд воцарилось молчание. Потом она спросила: “А в остальном у тебя всё в порядке?” И я поняла: мои проблемы — они только мои. На этом разговор был закончен.

А действительно, что останется от дружбы, если убрать “давление”? Если не делиться скорбями, не просить и не предлагать помощи, не давать советов, не делать замечаний, наконец? (Последнее с позиций либерал-гуманизма — вообще такой криминал, что за него самая либеральная мера наказания, наверно, дыба.)

Если всё это вычесть, то останутся лишь совместные развлечения, праздность. Что мы и увидели в Германии, а теперь начинаем видеть и в России среди тех, кто спешит вписаться в новую жизнь. Уже и термин научный ввели — “рекреативность” (развлекательность). Все “рекреативное” усиленно поощряется: от развлекательных телепередач до рекреативных (исключительно для развлечения!) наркотиков и рекреативного секса, когда напрочь исключаются даже не очень-то обременительные обязательства, которые предполагают отношения любовников. При рекреативном сексе никто никому вообще ничего не должен; почти любой вопрос, проявление заботы или интереса к делам другого может быть квалифицировано как давление. Ну а упреки в измене — это такое давление, которое объясняется разве что тяжёлым психозом. Причем рекреативный секс вовсе не тождественен одноразовой случке. Нет, такой развлекательный роман может длиться (по взаимному согласию, конечно) годами.

А ведь это не просто какой-то новый стиль жизни или особенности современных отношений, как, наверно, думают многие, а извращение христианских заветов. В великопостной молитве Ефрема Сирина мы просим Бога избавить нас от “духа праздности” как от одного из самых страшных зол, мешающих спасению души. В новой же реальности знаки меняются на противоположные: совместная праздность делается основой человеческих отношений.

Страх, похожий на бред

Запрет на малейшее “давление” по сути означает полную безучастность, когда ближнему не только не оказывают активной помощи, но и не желают (да и не имеют права!) знать о его трудностях, заботах, даже просто делах. “Это твои проблемы”, “не грузи меня” – вот девиз нового времени. Девиз антихристианский, ибо христианство нас учит обратному.

“Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов”, – говорит апостол Павел (Гал.: 6, 2). Как видите, никакой рекреативностью не пахнет. Бремя ведь это груз, а груз – он давит.

А вот образец христианского поведения из совсем недавней истории. “В Государыне было очень развито материнское чувство”, – пишет о последней российской императрице ее подруга Лили Ден. Когда это читаешь, то сперва думаешь, что речь идет о чадолюбии Александры Федоровны, ибо материнское чувство неразрывно связано с детьми. Но автор имеет в виду другое. “Она чувствовала себя счастливой, когда могла о ком-то заботиться, – продолжает Лили Ден. – Если какое-то лицо завоевывало ее привязанность и доверие, то она начинала проявлять интерес К МАЛЕЙШИМ СТОРОНАМ ЖИЗНИ этого человека” (выделено нами. – Авт.).

По нынешним же либеральным нормам даже не метафорическая, а буквальная родительская забота со всех сторон ограничена страхом давления. (Страхом, который почему-то хочется назвать бредом.) Да и возможна ли забота без давления? Самый простой пример: заболел малыш. Лекарства пить не хочет ни в какую. Про уколы и говорить нечего. Что будете делать: соблюдать права ребенка или оказывать давление? Конечно, лучше давление смягчить: уговорить малыша, отвлечь, дать лекарство в виде сладкого драже. Но если и это не поможет, “давление” перерастает в “насилие”: один взрослый держит ребенка, а другой вливает в рот микстуру или вонзает в попку шприц.

Тех же родителей, которые, отказавшись от посягательств на волю ребенка, предоставят ему свободный выбор между жизнью и смертью, общество будет считать преступниками.

Но это лишь до поры до времени. Тенденция совершенно очевидна. Если люди пока что не сомневаются в праве на “давление”, когда речь идет о физическом здоровье ребенка, то с охраной психического всё уже не так безусловно. Дети, которые беспрепятственно хамят, устраивают истерики и ходят на голове, перестали быть редкостью. То есть от страха быть обвиненной в давлении мать уже не окорачивает расторможенного ребенка и своим попустительством усугубляет патологическое возбуждение, нанося ущерб его и без того деформированной психике.

С воспитанием подростков дело обстоит еще печальней. Похоже, родителей убедили в том, что четырнадцатилетний сын или дочь уже половозрелые, взрослые люди и в состоянии сделать свой взрослый выбор. Причём смещение понятий произошло молниеносно. Еще в середине 90-х всё оставалось на месте: подросток считался немного повзрослевшим ребенком. И вдруг, году в 97–98-м, сексологи, психологи, социологи, журналисты – вся королевская рать! – наперебой затрубили о том, что около трети российских подростков 13–14-летнего возраста “сексуально активны”, уже имели свой “сексуальный дебют”. (Между прочим, давление было чрезвычайное, но либералы этим нисколько не смущались...) Хотя всего год назад специалисты из тех же структур приводили совсем иные данные, по которым количество таких рано повзрослевших было в 10 раз меньше. Похожим образом чуть раньше надули рейтинг Ельцина – без стыда и без всяких на то оснований. И десятки миллионов людей тоже дали себя надуть, поверив пропаганде. О выборах Ельцина и без нас много написано. А вот про то, как подростков в одночасье превратили из переросших детей в чуть недоросших взрослых, скажем чуть подробнее. Не все, наверное, знают, что “пиар” по поводу массовой суперакселерации подростков совпал, во-первых, с попытками Министерства образования внедрить в школы секс-просвет, а во-вторых, – с принятием в Думе маленькой, но поистине роковой поправки к Уголовному кодексу. На юридическом языке она называется “снижением возраста половой неприкосновенности”.

Вот так! Взрослые позволили себя одурачить кучке извращенцев и позволяют до сих пор. Попробуй скажи родителям пятнадцатилетнего подростка, что ему нельзя просиживать целыми днями за компьютером. В ответ следует: “Но мы же не можем ему запретить! Нельзя оказывать давление на взрослого человека”. Да еще возмущаются: дескать, психолог, а не знаком с азбучными истинами своей профессии! И с каким же удивлением они, если решаются на запрет, описывают реакцию своего недоросля! Подумать только, у него будто гора спала с плеч (хотя внешне поначалу бурно протестовал). А ведь ничего удивительного. Ребенок обрадовался тому, что все снова на своих местах! Если взрослый запрещает поступать дурно, значит, он авторитет. А если авторитет, следовательно, и защита.

“Скажите мне как специалисты...”

Апологетам “недирективной педагогики” и тем, кто им внимает, даже в голову, наверное, не приходит, что они своим либерализмом травмируют подростков. Хотя мальчишки и девчонки на уровне сознания могут быть рады, что их никто “не достает”, но бессознательно они пугаются равнодушия взрослых. Ведь очень страшно и горько осознавать, что даже самым близким до тебя по-настоящему нет дела. Всё, что с тобой происходит, это “твои проблемы”, “твой выбор”.

Страх этот неслучаен. В мире, охваченном бредом давления, взрослые охлаждаются к своим детям. Охлаждение в данном случае – естественная защитная реакция. Иначе можно сойти с ума, беспокоясь о ребенке, которого со всех сторон заманивает зло, а ты не смеешь восстать против этого зла даже на словах. Избегая конфликтов, родители стараются поменьше спрашивать, ибо любой вопрос трактуется как вмешательство в личную жизнь. Контакт становится поверхностным, формальным, а так как формальное общение у нас не принято и даже презираемо, то оно может и вообще пресечься.

– Проблема контакта с сыном снята с повестки дня, – с горькой усмешкой сообщил один наш знакомый. – О своих делах рассказывать неохота – ему неинтересно. О девушке, с которой он встречается, нельзя. Это он называет допросом. Про институт тоже не спроси – это слезка. Сколько ему платят в фирме, в которой он подрабатывает, и что он вообще там делает – ни звука. Это коммерческая тайна. Про его литературные и музыкальные пристрастия тоже лучше помолчать, потому что одобрить этот интеллектуальный “попкорн” я не могу, а скажешь как есть – не миновать скандала. Остается обсуждать покупки. Но поскольку крупные приобретения бывают достаточно редко, а вести ежедневный диалог о сортах йогурта нормальному человеку трудно – я все-таки не говорящая инфузория! – получается, что тем для общения нет.

А вот еще более горькая исповедь, на этот раз мамы: “Скажите мне как специалисты, нужно ли что-то делать с ребенком, – он, правда, у меня уже взрослый, в десятом классе, – если у него... ну, в общем, другая ориентация? Знаете, началось это с секции ушу. Тренер у него там был или, как он его называл, Учитель, лет сорока... Ну, короче, внушил нашему наивному дурачку, что таким путем – ну, вы понимаете, каким – передается духовная энергия. Знаете, мы с мужем, когда догадались, чуть с ума не сошли. Хотели поехать к этому негодяю, муж до сих пор жалеет, что тогда его не убил... так сын устроил истерику, напугал нас, что из окна выбросится... Если б у себя дома – мы вообще-то с Кавказа, – так там, знаете, мы бы не испугались его угроз. Дом одноэтажный, сколько ни бросайся – не разобьешься. А тут мы на восьмом. Подумали: мало ли что... Я пошла к психологу в кризисный центр, они там вроде что-то делают с трудными подростками. Так мне знаете что сказали? “Никакой он у вас не трудный, – говорят. – Это вас надо лечить, если вы хотите влиять на его сексуальные предпочтения. Какое вы имеете право давить? Гомосексуализм совершенно нормален. Это всё равно как одним нравятся апельсины, а другим – яблоки”. После этого, знаете, мне вообще жить не хочется. И правда, надо лечиться, а то всё чаще и чаще про окошко думаю. А сын, узнав мнение психолога, наоборот, успокоился, совершенно перестал нас стесняться.

Я даже иногда думаю: может, он нарочно по всей квартире газеты разбрасывает с этими ужасными объявлениями?.. Ну, где телефоны таких же... Этих объявлений сейчас полно, никто ничего не скрывает. Муж почернел, состарился. Как будто дедушка, а не отец... Представляете, что такое для кавказца единственный сын?!”

На вопрос, пытались ли родители в самом начале этой трагедии изменять к мальчику какие-то воспитательные меры, мать с готовностью ответила: “Наказывали! Строго наказывали! Отец, знаете, на целую неделю запретил играть на компьютере. Мобильник вообще отобрали, но это ничего не дало. А что мы еще можем? Не будешь же его запиравать или бить. Сейчас это не принято. И денег карманных не лишишь – знаете, ребенку то соку хочется, то видеокассету в прокате взять... Нам и так психолог сказал – не из кризисного центра, а другой, – что мы слишком авторитарны”.

Недирективное насилие

Мы привели эту исповедь почти целиком, чтобы сэкономить на комментариях. Попробуем двинуться дальше, задавшись вопросом: а что такое в свете современного либерализма идеальная семья? С одной стороны, без пресловутого конфликта “отцов и детей”, а с другой, объединенная не только общей жилплощадью. Другими словами, в каких случаях влияние взрослых на детей расценивается как допустимое, а то и желательное? Ну, например, сторонники недирективной педагогики весьма директивно указывают родителям на необходимость воспитания у детей “сексуальной культуры”. Причем как можно раньше. И родителей, которые последуют этим советам, никто не упрекнет в давлении. Хотя крупнейший детский психиатр проф. Г. В. Козловская называет раннее сексуальное просвещение даже не давлением, а разновидностью психического НАСИЛИЯ, поскольку для этого необходимо сломать важнейший защитный механизм – механизм стыда. И ведь именно он, стыд в сфере интимного, служит одним из главных критериев психической нормы. Все, наверное, хоть однажды на своем веку встречали определенного сорта городских сумасшедших, которые ничего не стесняются. Попирая естественный стыд, ребенка толкают в область психопатологии, но современные либералы не квалифицируют это как давление, потому что в “дивном новом мире” (заголовок романа-антиутопии Олдоса Хаксли) должны стать привычными и узаконенными все виды разврата.

Не будет обвинена в давлении и мать, склоняющая дочь к аборту, То есть к убийству младенца в утробе. Напротив, ее давление, даже в форме угрозы выгнать беременную дочку на улицу, будет оценено положительно: мама приучает легкомысленную девушку к ответственному родительству.

А кто заподозрит в давлении отца, который, придя с работы, первым делом включает телевизор и сидит, уставившись в него, пока не заснет? Скажи ему, что он давит на ребенка, – искренне возмутится. Среди таких отцов, наоборот, очень много поклонников свободы. “Это мать давит, – скажет он вам, – когда требует с ножом к горлу, чтобы мальчишка соблюдал в комнате порядок или здоровался с гостями. А может, у него настроение плохое? Он что, даже на это не имеет права? Я-то никому ничего не навязываю: хочет – смотрит, не хочет – в своем углу играет”.

Сын хоть и в своем углу, но никуда не может деться от агрессивного шумового фона (стрельбы, криков, стонов) или от известий про сгоревших заживо детей. Почему же это не считается насильственным вторжением в его внутренний мир, и без того хрупкий, а следовательно, нуждающийся в усиленной защите?

Получается, что “давить” нельзя, только если обуздываешь дурное и прививаешь хорошее. Иными словами, воспитываешь, питаешь возвышенное в ребенке, помогаешь ему восходить от образа к подобию Божию. А если низводишь образ до безобразия, убиваешь чистоту и насаждаешь порок – так ты молодец, ты свой парень, ты правильно куешь новые партийные кадры. Надеемся, не надо долго объяснять, для какой партии и кто будет ее генеральным секретарем? “Или не знаете, что несправедные Цар-

ства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют”, – предостерегает апостол Павел (1 Кор. 6, 9–10).

И посмотрите, именно эти грехи, ввергающие душу в ад, так назойливо пропагандируются сегодня! Разврат, поклонение всевозможным кумирам, супружеские измены (которые даже рекомендуют врачи для улучшения самочувствия!), онанизм, к которому призывают в том числе детей “для снятия напряжения”, однополые связи, воровство, узаконенное под маркой приватизации, взяточничество, про которое сейчас можно услышать, что оно абсолютно нормально... Дескать, мало получают сейчас чиновники или учителя. Вот и берут, бедные. Да и что такого страшного во взятке? Это, по существу, цивилизованная форма благодарности. А пьянство?! Алкоголь продается на каждом углу по сверхдоступным ценам. Пиво же вообще официально выведено из разряда алкогольных напитков и считается прохладительным, пей хоть с младенчества. Злоречие расцвело пышным цветом. Война компроматов, глумление как основной прием журналистики и современного искусства. Хищничество, рвачество названы деловой хваткой...

И даже многие православные люди, неоднократно читавшие послание апостола Павла, очень боятся “давить”. Мотивировки разные: страх потери контакта, уход от конфликтов, опасение, что дети, когда вырастут, будут попрекать в жестокости. Но подоплека одна: терпимость к греху эти люди отождествляют с христианской любовью. В этом и кроется главная уловка лукавого.

Поистине сатанинский перевертыш! Ведь противники давления опираются на другие, не менее известные слова апостола Павла: “Любовь долготерпит, милосердствует... не раздражается, не мыслит зла, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит” (1 Кор., 13, 4–7). Но апостол Павел проповедует любовь к человеку, а вовсе не к его порокам. К грешнику, а не к греху. И наивысшая любовь к грешнику как раз состоит в том, чтобы отвратить его от греха. “Братия! если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов”, – говорит апостол Иаков (Иак., 5, 19–20).

А святой Иоанн Златоуст прямо отвечает тем, кто боится попреков и ссор: “...если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое; всё перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение. Пусть он соделается твоим врагом, зато Бог будет твоим другом”. А чуть раньше говорится: “И у врача больной часто срывает одежду. Но врач не перестает из-за этого лечить его. Если же заботящиеся о телах показывают столько усердия, то как неуместно предаваться беспечности, когда гибнет столько душ...” (св. Иоанн Златоуст. “Против иудеев”. Слово четвертое. “Лодья”, М., 2000, стр. 52).

Так что ошибочно христианской любви противопоставлять ненависть. Ненависть к человеку скорее противостоит любви страстной, плотской. Собственно, это страсти-антиподы, нередко обреченные на роковую взаимосвязь, как сиамские близнецы. Христианская любовь тоже неразрывно связана с ненавистью. Точнее, она вмещает в себя ненависть, только не к человеку, а к греху. Антипод же христианской любви есть равнодушие – основа толерантности. И в последние времена, по словам святых, в мире оскудеет любовь. Чему противники “давления” вольно или невольно способствуют.

В духе кротости

Конечно, христианам не следует злобствовать. Апостол Павел учит исправлять грешника “в духе кротости” (Гал., 6.1). Но дух кротости – это отнюдь не смирение перед злом. Иначе св. Николай Чудотворец, оказавший давление на Ария как морально, так и физически – оплеухой, не был бы назван в тропаре “образом кротости”. А святитель Лев Катанский, еще более жестко “надавивший” на оппонента, не был бы причислен к лику святых.

Он жил в VIII в., был епископом в Катанах на острове Сицилия. Святитель старался убедить местного колдуна Илиодора не заниматься чародейством, но тот никак не вразумлялся. А однажды дошел до такой наглости, что начал колдовать прямо в храме, произведя большое смущение в народе. Увидев людей, бесновавшихся под влиянием Илиодоровых чар, св. Лев понял, что время увещаний прошло. Он вышел из алтаря и, набросив на шею Илиодора омофор, будто петлю лассо на дикого жеребца, вывел его из храма. Можно себе представить, как неистовствовал, пытаясь вырваться, колдун. Но омофор удерживал его крепче любой цепи. Дойдя до площади, святитель приказал разжечь костёр и вступил в огонь вместе с чародеем. Илиодор сгорел в огне, а епископ Лев остался совершенно невредим. Это чудо прославило его как святого при жизни.

А еще Лев Катанский славился добротой и милосердием.